

«Дайте людям архетип...»

**Н.Гоголь и Т.Шевченко: атавистическое
подсознание национально ответственных личностей**

В октябре 1832 г. в «Литературных прибавлениях к “Русскому Инвалиду”» появился перевод нового рассказа Проспера Мериме «Маттео Фальконе», по имени главного героя, корсиканского маки (местный аналог запорожца), который принес своего сына в жертву кодексу чести своего сообщества – и тем самым положил начало новой эпидемии литературных сыноубийств.

Сюжет Мериме заинтересовал 23-летнего Гоголя, и в рукописи романа «Гетьман» (остался незаконченным) появилась следующая деталь интерьера (с сюжетом пока еще не связанная): «<...> на длинной деревянной доске нарисованы сцены из священного писания: тут был Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака <...>» (III, 294).

Вскоре, и тоже в Париже, молодой политэмигрант с Украины Михал Чайковский публикует роман «Вернигора» (1838), посвященный событиям Гайдамащины середины XVIII в. Не ограничиваясь изображением ужасов, почерпнутых из мемуарных свидетельств шляхтичей, переживших восстание на Украине, М.Чайковский прибег к модным романтическим эффектам. Так, например, он заставил уманского полковника Ивана Гонту, женатого на польке, убивать своих детей-католиков – чего на самом деле, разумеется, не было, а всему виной был, видимо, все тот же П.Мериме.

Наконец, в том же или следующем году Петр Мартос (однокашник Гоголя по Нежину) знакомит с романом М.Чайковского начинающего украинского поэта: «Я дал Шевченко, – вспоминал Мартос, – прочитать этот роман; содержание «Гайдамаков» и большая часть подробностей полностью заимствованы оттуда».¹ Стоит ли удивляться, что в поэме Шевченко «Гайдамаки» Гонта тоже убивает своих детей?..

С другой стороны, трудно себе представить, чтобы в этой же среде бывших нежинцев, где вращался Шевченко в Петербурге, не читался гоголевский «Миргород», а в нем «Тарас Бульба». Другое дело, что «миргородская» редакция гоголевской повести не столь апологетична по отношению к запорожцам, как поэма Шевченко в отношении гайдамаков.

В 1845 г. Луи Виардо издал книжку своих переводов из Гоголя под названием «Русские новеллы»,² и шесть лет спустя

¹ Спогади про Тараса Шевченка. К., 1982. С.71.

² Voir: Gogol N. Nouvelles russes. P., 1845.

Гоголь еще мог успеть прочесть ее разбор в “Revue des deux Mondes”. Рецензент переводов Виардо решил, что русский автор напрочь лишен способности «видеть хорошее в людях и вещах» и в своей стране: «в святой Руси!» – патетически восклицает рецензент, где, говорит он, сумел же Пушкин разглядеть свою бесподобную Татьяну! Гоголь же «по сути не показывает нам никого, кроме придурков (imbéciles), не предлагает нам иных образцов для подражания, кроме мерзавцев-висельников (coquins a prendre)».³ Автором рецензии был Проспер Мериме.

Особенно подробно остановившись на «Тарасе Бульбе», он, в частности, писал: «Наши флибустьеры XVII в. во многом напоминали этих запорожцев, и история тех и других хранит воспоминания о чудесах отваги и чудовищных зверствах. Тарас Бульба – один из тех героев, с которыми (по словам одного студента у Шиллера) следует беседовать с заряженным ружьем в руках. <...> Я сам из тех, кто питает непреодолимое пристрастие к бандитам: не то чтобы я любил их встречать на своем пути, однако, вопреки моей воле, я всегда восхищался силой людей, бросивших вызов всему обществу – и сам же потом стыдился своего восхищения».⁴

Случай Мериме радует своей хрестоматийной ясностью. Ведь здесь мы имеем факт «нормальной», в духе времени, эволюции романтика к, условно говоря, «реализму» (недаром же и его «милым идеалом» на этой поздней стадии стала пушкинская Татьяна!). А вот в творчестве романтиков, связанных с Украиной (и в особенности именно в трактовке украинской тематики) прослеживается прямо противоположная тенденция.

При сопоставлении двух бывших в распоряжении Гоголя «Историй» (псевдо-Конисского и Бантыш-Каменского) историографами XX в. на многих фактах доказано, как об этом справедливо писал В.П.Казарин, «что исторической реальности больше отвечает точка зрения Д.Бантыш-Каменского, которая обоснована документально».⁵ И вот Гоголь, по материалам Д.Бантыш-Каменского, написал «официальную» статью по истории Украины для «Журнала министерства народного просвещения». Это было нечто вроде диссертации на право занять кафедру истории в Киевском университете, однако в кафедре министерство ему отказало. Тогда он вообще перестал обращаться к «Истории Малой России» Бантыш-Каменского – этому, по сути, единственному на то время труду по истории Украины, обоснованному документально. По свидетельству того же

³ Merimee P. Nicolas Gogol // Revue des deux Mondes. 1851. No 22. P.610.

⁴ Ibid.

⁵ Казарин В.П. Повесть Н.В.Гоголя «Тарас Бульба». Вопросы творческой истории. Киев – Одесса, 1986. С.60.

В.П.Казарина, специально изучавшего этот вопрос, «в позднейшее время (т.е. после начала 1834 г.) мы не имеем следов работы Н.Гоголя с книгой Д.Бантыш-Каменского». И этот факт гоголевед находит «весьма показательным»,⁶ с чем трудно не согласиться. Еще более показателен преимущественный интерес именно к псевдо-Конисскому как историческому источнику и со стороны Тараса Шевченко.

«История русов» псевдо-Конисского становится главным, если не единственным историческим источником и при работе Гоголя над «Тарасом Бульбой». Именно оттуда в повесть попадает, во-первых, длинный список издевательств, пыток и казней, постоянно пополняемый якобы особо изощренными и неистощимыми в этом смысле поляками (причем «летописец» в этом смысле сравнивает поляков с японцами, о которых, если он тот, за кого себя выдает, вообще ничего знать не может). Во-вторых, оттуда же взяты сведения о якобы активном участии евреев в польско-казацких войнах – хотя псевдо-Конисский говорит об их шпионаже в пользу *поляков*, а гетман-предатель Перевязка освобождается из-под *казацкой* стражи с помощью крамаря Лейбовича, «очаровавшего якобы стражу проданным от него для караульных табаком».⁷ В противоположность этому, у Гоголя Янкель шпионит в пользу *казаков* и тем же способом, как Лейбович Перевязку, пытается (безуспешно) освободить Остапа Бульбу из-под *польской* стражи.

Вторая редакция «Тараса Бульбы» сделала Гоголя признанным лидером этого вольно-исторического направления в изображении Украины, для которого исторические персонажи и события чем более фантастичны, тем более историчны, героичны и патриотичны. И вот уже Шевченко в стихотворении-послании «Гоголю» с горечью констатирует, что среди нынешних украинцев не встретишь таких людей, как Бульба, придуманный Гоголем, и Гонта, придуманный Чайковским:

**Не заріже батько сина,
Свої дітини,
За честь, славу, за братерство,
За волю України...⁸**

«Дайте людям архетип, и толпа пойдет за одним человеком, ее уже ничто не остановит»,⁹ – утверждал К.Г.Юнг. Образ сына, ради высшей цели приносимого в жертву отцом, – один из древнейших архетипов. Но в христианском сознании, в христианской культуре место этого архетипа занято раз и навсегда. И потому за возвеличиванием архетипа сыноубийцы, за

⁶ Там же. С.58.

⁷ История Русов или Малой России. М., 1846. С.52.

⁸ Шевченко Т. Твори у 5 т. Київ, 1970. Т.1. С.258.

⁹ Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С.170.

возведением его в норму и идеал того, как нужно бороться «за честь, славу, за братерство, за волю України», – следующий логический шаг – богоборчество «Заповіта», требование возвращения в Ветхий Завет и заключения с вновь восстающей нацией – украинской – такого же Завета, какой некогда был заключен с Авраамом, доказавшим свою безусловную веру готовностью принести в жертву Исаака:¹⁰

**Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу... отойді я
І лани, і гори –
Все покину і долину
До самого Бога
Молитися... а до того
Я не знаю Бога.¹¹**

Гоголевская религиозно-политическая утопия, как она выражена во второй редакции «Тараса Бульбы», в целом (в архетипе) совпадает с шевченковской, но имеет от нее одно принципиальное отличие (в мифе). Казаческая нация, готовая на самые крайние жертвы во имя сохранения своей православной идентичности (тут все пока совпадает), по Гоголю, не может, да и не должна ее хранить без учета исторической перспективы слияния в единый народ-богоносец со своей «северной ветвью», под сенью грядущего Русского Царя. Прямо и именно в связи с выходом второй редакции «Тараса Бульбы» спрошенный о том, какая у него душа, Гоголь на этот вопрос отвечал так: «<...> сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. <...> Самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» (XII, 419).

Гоголь через адресата этого письма – Смирнову-Россет – отвечал не только двум Федорам – Тютчеву и Толстому, о которых корреспондентка сообщала, что в салоне Евдокии Ростопчиной «оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая вылилась в «Тарасе Бульбе», где с такой любовью вы выставили Тараса, Андрия и Остапа», а в «Мертвых душах», напротив, все русские представлены «в отвратительном виде».¹² В своем ответе Смирновой автор «Тараса Бульбы» прямо указал, что обращает его не только к ней, но и ко всем «другим», кто спорил о его, «хохлацкой или русской», душе.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Звизняцкий В.Я. Николай Гоголь: тайны национальной души. К., 1994.

¹¹ Шевченко Т. Твори у 5 т. Київ, 1970. Т.1. С.350.

¹² Переписка Н.В.Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т.2. С.124.

Этот ответ, написанный во Франкфурте 24 декабря по новому стилю, к 11 января по тому же стилю (эта дата стоит под текстом Шевченко «Гоголю») теоретически мог быть не только получен в Петербурге, но и стать известным всем заинтересованным лицам. И можно предположить, что Шевченко написал «Гоголю» именно 30 декабря 1844 (11 января 1845) г. потому, что он (будучи вхож в салон Ростопчиной если не как завсегдатай, то уж всяком случае в свите М.С.Щепкина, гастролировавшего в Петербурге) присутствовал и при споре о том, «какая у Гоголя душа», и при обсуждении ответа на этот вопрос самого Гоголя, полученного из Франкфурта через Смирнову. Во всяком случае, совпадение дат слишком точное, чтоб оказаться просто совпадением. Как обмолвился Гоголь в рукописи «Вия», «он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и среди закружившейся толпы вдруг кто-нибудь запел песню об угнетенном народе» (II, 199, 562).

Кстати, в прижизненных изданиях «Вия» слов «об угнетенном народе» нет – вместо этого «запел песню похоронную». Но составители советского академического издания восстановили в правах «угнетенный народ», «считая слово «похоронную» цензурным искажением» (II, 735). Американский же литературовед Ричард Пийс, хотя и считал упоминание об угнетенном народе «странным», все же, как и многие и до и после него, соблазнился этим упоминанием, да его и истолковал – как мне кажется, наиболее верно. По его мнению, это упоминание «ведет к появлению Украины собственной персоной, ведь тема ее является центральной для всех этих повестей» – и при этом «есть что-то темное, атавистическое в авторском отношении к Украине».¹³

Шевченково послание «Гоголю» просто выводит это «атавистическое» из тьмы подсознания на суд Божий и человеческий. Сокрушаясь о том, что прошли времена Тараса Бульбы и теперь вот даже батько сына не зарежет, поэт развивает эту мысль следующим образом:

**Не заріже: викохає
Та й продасть в різницю
Москалеві. Цебто, бачиш,
Лепта удовиці
Престолові-отечеству
Та німоті плата...¹⁴**

Это архетипический образ евангельского происхождения – образ «вдовицы», которая подала в храмовую сокровищницу «все, что имела», – две последние мелкие монеты, лепты (Марка 12:42 – 44). Среди кредиторов, обиравших бедную вдову, у Шевченко

¹³ Peace R. The Enigma of Gogol. Cambr. (Mass.), 1981. P.314,287.

¹⁴ Шевченко Тарас. Твори у 5 т. К., 1970. Т.1. С.258.

названа «німота», т.е. в переводе – «немчура». Опять интересное совпадение с тем, что волновало Гоголя, причем в тот его период, когда он был готов на гребне славы своих «Вечеров...» вернуться на Украину и связать с ней свою дальнейшую жизнь.

В конце 1833 г. Гоголь писал М.Максимовичу: «Туда! туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев». И добавлял: «Он наш, он не их, не правда? <...> Говорят, уже очень много назначено туда каких-то немцев, это тоже не так приятно. Хотя бы для святого Владимира побольше славян. Нужно будет стараться кого-нибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и так же чистых и добрых душою, как мы с тобою» (X, 288).

Открытие Киевского университета в год смерти председателя Совета министров князя В.П.Кочубея стало таким же «памятником» ему, как нежинская Гимназия высших наук – его патрону и учителю канцлеру князю А.А.Безбородко. «Главной целью открытия в Киеве университета была русификация края после польского восстания 1830 – 31 гг.»,¹⁵ – справедливо пишет П.В.Михед, который, впрочем, полагает, что «не их» в письме Гоголя следует однозначно читать «не великороссов». На это можно возразить, что имперское правительство, во главе которого стоял украинец, «русификацию края» проводило за счет не столько велико-, сколько малороссов, видя в последних ту самую ветвь «русов», т.е. русских, которая и должна здесь развиваться и развивать этот край во всех отношениях, и прежде всего в культурно-образовательном, – в условиях более чем реального в то время польского экономического, социального и культурного доминирования на Правобережной Украине, вплоть до самого Киева.

Не упустим из виду важный нюанс: поляки не без основания воспринимались в качестве «агентов» западного влияния вообще. Но для Е.Ф. фон Брадке, набиравшего штат нового университета, «русский, немец и поляк не существовали, а только способные и неспособные люди».¹⁶ Вот с этим не только «политкорректным», но и полезным для дела соображением попечителя Киевского учебного округа и не согласился, как мы видели, Гоголь, а также и Шевченко, которого (в отличие от Гоголя) его активным землякам впоследствии удалось-таки «туда впихнуть». Как Гоголь в конце 1833 г., так и Шевченко в конце 1844 г. пытается найти некое «они», «против кого дружить» всем славянам (независимо от того, знают ли они, какая у них душа – «хохлацкая или русская») и против кого «смеющийся» Гоголь и «плачущий» Шевченко могут сформировать свое дружное «мы». Лучше всего на эту роль подходят «немцы»: речь ведь идет не о жителях Германии (и

¹⁵ Михед П.В. Зауваги на берегах // Нові гоголезнавчі студії. Вип. 5 (16). Ніжин, 2007. С.245.

¹⁶ Шульгин В. История университета св. Владимира // Русское слово. 1859. № 10. С.27.

страны-то такой еще на карте нет) или выходцах из нее, а просто о «неславянах».

Так чей же Киев *не их?* По контексту письма – *не немцев*. Это, собственно, тема еще ломоносовская: против засилья немцев в русской науке и русских университетах. И всегда эти «немцы» понимались в широком смысле – «западные иноверцы», как это совершенно верно понял и В.А.Воропаев: «Говоря «он наш, он не их», Гоголь имел в виду <...> славян и «немцев», «западников»...».¹⁷ С той лишь оговоркой, что главными «западниками» и «немцами» были для него как раз представители славянского народа – поляки. Поляки без конца восставали, а Гоголь их пугал Русским Царем в «Тарасе Бульбе». Не этот «угнетенный народ» так взволновал Хому Брута (Неверного Предателя – если перевести его аллегорические имена) при виде прекрасной мертвой «панночки»: это ведь не польская «панночка» (как в «Тарасе Бульбе»), а своя, украинская ведьма!

А если мысль об «угнетенном народе», о его не онтологическом, а историческом поражении из атавистического подсознания вывести в сознание, превратив в главный стержень национально ответственной личности, в смысл ее бытия?..

Тогда, конечно, смех – даже знаменитый гоголевский, «сквозь невидимые миру слезы» – становится не просто чем-то неуместным даже (или именно!) в «Миргороде», но и чем-то кощунственным! Вот смысл упрека национально ответственной личности – Тараса Шевченко – своему земляку Мыколе Гоголю, который «почему-то» отказывается знать («сам не знает»), «какая у него душа»:

**Всі оглухли, похилились
В кайданах... байдуже...
Ти смієшся, а я плачу,
Великий мій друже.¹⁸**

С печальным удивлением взглядываясь в гоголевскую Украину, в этот Миргород, где «вольные пушки не заревут» и «батько сына не зарежет», певец гайдамаков не понимает, как певец Тараса Бульбы может в этом мире **жить**, да еще и **смеяться**. Но именно потому, что смех Гоголя для него непостижим, Шевченко «разрешает» ему смеяться, как себе – плакать:

**Нехай, брате. А ми будем
Сміятися та плакати.¹⁹**

Примечания

¹ Спогади про Тараса Шевченка. Київ, 1982. С.71.

² Voir: *Gogol N. Nouvelles russes*. Paris, 1845.

³ *Merimee P. Nicolas Gogol // Revue de deux Mondes*. 1851. No.22. P.610.

¹⁷ Воропаев В. Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. 2002. № 1. С.12.

- ⁴ Ibid.
- ⁵ *Казарин В.П.* Повесть Н.В.Гоголя «Тарас Бульба». Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986. С.60.
- ⁶ Там же. С.58.
- ⁷ История Русов или Малой России. М., 1846. С.52.
- ⁸ *Шевченко Т.* Твори: У 5 т. Київ, 1970. Т.1. С.258.
- ⁹ *Юнг К.Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С.170.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Звизняцковский В.Я.* Николай Гоголь. Тайны национальной души. Киев, 1994.
- ¹¹ *Шевченко Т.* Твори: У 5 т. Т.1. С.350.
- ¹² Переписка Н.В.Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т.2. С.124.
- ¹³ *Pease R.* The Enigma of Gogol. Cambr. (Mass.), 1981. Pp.314, 287.
- ¹⁴ *Шевченко Т.* Твори: У 5 т. Т.1. С.258.
- ¹⁵ *Михед П.* Зауваги на берегах // Нові гоголезнавчі студії. 2007. Вип. 5 (16). С.245.
- ¹⁶ *Шульгин В.* История университета св. Владимира // Русское слово. 1859. № 10. С.27.
- ¹⁷ *Воропаев В.* Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. 2002. № 1. С.12.
- ¹⁸ *Шевченко Т.* Твори: У 5 т. Т.1. С.258.
- ¹⁹ Там же.

18
19
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19